

Одоевцева
И. В.

14/IV-87

«НИЧЕГО МНЕ ДРУГОГО НЕ НАДО»

Первое путешествие по городу, в котором русская поэтесса не была 65 лет

— Мгновение, остановись!
Остановись и прокатись
Назад:

В Россию,
В юность,
В Петроград!

Так писала в Париже русская поэтесса Ирина Владимировна Одоевцева и сама себе признавалась: «крик сердца, до него банальный крик... Ведь знаю я, что этот миг не останется...».

Жизнь оказалась счастливее стихотворного предсказания. Ирина Владимировна вновь вернулась на родину, в город на Неве, в котором не была ровно 65 лет, но с которым не расставалась душой, в стихах и в мечтах. Потому, наверное, и суждено было сбыться ее заветному желанию.

Это было в минувшую субботу. Короткий отдых в гостинице, и вчера вместе с Ириной Владимировной мы отправились в первое по городу путешествие. Сначала, конечно, на свидание с юностью — на бывшую Басейную (ныне улицу Некрасова), 60.

— Да, здесь прошли мои лучшие годы, — улыбается Ирина Владимировна. — Детство в Риге запомнилось скукой и дрессировкой: меня заставляли играть на рояле. Радостью был лишь Петербург — сюда мы и переехали незадолго до революции. Я стала сочинять, еще не понимая, что это такое — писать стихи. Поступила в Институт живого слова, замечательное учреждение, оно тоже было где-то неподалеку. Вот сквер, если его пересечь и пройти немного направо, то выйдешь на Преображенскую, там была квартира Гумилева...

Теперь это улица Радищева. Мы стоим у дома номер 5. Он, конечно, тоже изменился.

— Раньше, — вспоминает Ирина Владимировна, — на нем была огромная зеленая вывеска «Портной», и мы шутили: Гумилев шьет стихи. Он читал у нас поэзию, организовал литературную студию, и мы частенько бывали у него. Обстановка — беднейшая, мы даже поражались, — и любили читать стихи и спорить в прихожей, где грелись у камина...

Уже первое стихотворение принесло ей успех:

О, если бы можно было
вечно жить,
Родиться первой, умереть
последней,
Сродниться с этим миром
навсегда,
И вместе с ним исчезнуть
без следа...

— Поэзию в Петербурге тогда обожали, нам казалось: кто не поэт — какой уж тот человек, — продолжает она. — Было трудно, голодно, холодно, но сколько людей приходило послушать стихи, которые они знали наизусть. Стоило оратору сделать паузу, как со всех сторон начинали подсказывать...

Несмотря на молодость, Ирина Одоевцева скоро стала поэтической знаменитостью. Вышел первый сборник ее стихов. Она была желанной гостьей на всех поэтических вечерах. Ее узнавали прямо на улице, дарили цветы: «Я прижимала большие букеты к груди и чувствовала себя «немножко в саду»...

— И вот из страны, где мои стихи были нужны как хлеб, я

попала в страну, где не только мои, но вообще ничьи стихи никому не были нужны. Я всегда, с первого дня, жалела о том, что уехала...

1922-й год. Одоевцева уехала вместе с мужем поэтом Георгием Ивановым. О жизни во Франции, сначала на юге, потом близ Парижа тоже можно многое рассказать. Было много плохого и много хорошего. О плохом — о бедности, об одиночестве, непонимании — Ирина Владимировна предпочитает не вспоминать, зато о хорошем — сколько угодно.

Хорошее — это в первую очередь две книги воспоминаний: «На берегах Невы» и «На берегах Сены».

— Я старалась минимум рассказывать о себе, а быть памятью тех, кого близко знала и здесь, в городе на Неве, и в Париже. О них, их радостях и страданиях, я и писала.

Кто же доверил ей свои исповеди? Гумилев, Бунин, Бальмонт, Адамович, Зайцев, Терапиано, Ахматова, Цветаева... Поэты, писатели, критики. Известные и не очень. Десятки имен и судеб, о которых пока мы не знаем, но скоро откроем их для себя благодаря в том числе и Ирине Владимировне, архивам, которые она привезла, ее рассказам и публикациям. Вернуться к молодому поколению читателей на родине составляло надежду ее жизни, и теперь она осуществляется.

— Чем вы хотели бы заниматься сейчас?

— Конечно, литературой. Писать романы очень интерес-

но, но воспоминания не только приносят радость читателям, а воскрешают память о других.

— Менять привычки, образ жизни всегда нелегко, особенно с годами...

— Какие мои годы, — шутиливо возмущается Ирина Владимировна и тут же читает: — Жизнь прошла, а молодость длится, Ваша молодость и моя...

— Как отнеслись к вашему решению вернуться на родину друзья во Франции, знакомые, соотечественники?

— Многие — с пониманием, но были и такие, кто угрожал, запугивал. У меня приключился даже детективный роман: вдруг из квартиры, где я жила, пропали все документы... А сколько придумывали небывших: Зимний дворец, говорили, теперь весь малиновый, а решетку у Летнего сада разобрали и выбросили.

Наша машина остановилась как раз у знаменитой решетки.

ки. И тут поэтесса не могла сдержать слез:

По аллее мы с вами идем,
По аллее Летнего сада,
Ничего мне другого
не надо...

К счастью, у И. В. Одоевцевой оказалось в Ленинграде немало родственников. Так случилось, что для всех них в семейном предании она все эти годы оставалась загадкой. И вдруг первая публикация в «Литературной газете» перекинула мост с берегов Сены снова на берега Невы...

Это, конечно же, совпадение, но оно удивительно: русская поэтесса поселилась теперь рядом с домом, где 65 лет назад так часто и так радостно звучал ее голос: «И во сне, и наяву с восхищением живу!».

— Ирина Владимировна, вы, наверное, оптимистка?

— Неисправимая. Но такой счастливой, как сейчас, я не была еще никогда.

Т. ЧЕСАНОВА
Фото И. Потемкина

Мемориал. Правда, 1987, 14 апр